

Жюльетт Бинош: «Про «Английского пациента» не могу даже вспоминать»

Только благодаря Кесьлевскому французская звезда не ушла из кино

Независимая — 2004 10 февр — сб.

Екатерина Барабаш
Берлин

Жюльетт Бинош примчалась в Берлин прямо к премьеру конкурсного фильма, где сыграла главную роль, с труднопереводимым названием — то ли «Родина моей души» («Country of my Skull»). Ее героиня — южноафриканская поэтесса и журналистка, которая после падения режима апартеида рассказывает по радио правду о зверствах расистов. Бинош — одна из многих европейских актрис, востребованных в Голливуде. Снимаясь во Франции и в Америке, она умудряется играть в театре и в Париже, и на Бродвее. Ее долго не хотели снимать в кино, но после фильма «Свидание» Андре Тешине режиссеры буквально набросились на Бинош. «Ущерб», «Три цвета: синий», «Английский пациент», «Вдова с острова Сен-Пьер», «Невыносимая легкость бытия», «Шоколад»... Все знают, что ей сорок, но за ней прочно укрепилась репутация «женщины без возраста». Она очень хрупкая и как будто застенчивая, очень улыбчивая, но в ее тихом голосе иногда звучат стальные нотки. У актрисы двое детей — девятилетний Рафаэль и трехлетняя Ханна.

Мадам Бинош... — Я больше люблю по имени.
— Хорошо. Жюльетт, неожиданно для многих вы снялись в стопроцентно политической картине. Это так не вяжется с вашим привычным образом.
— На то я и актриса, чтобы менять привычные образы. Но на самом деле мое согласие сыграть роль южноафриканской журналистки было продиктовано тем, что картину снимал

великолепный режиссер Джон Бурман, а во-вторых, я вдруг подумала, что, наверное, что-то могу сделать для мира как актриса и как француженка. Незадолго до этого я побывала в Алжире, и там был корреспондент нашей коммунистической газеты, черт, как она называется, все забыла с этой работой... — «Юманите»?
— Да-да, конечно. Так вот, журналист спросил меня, чувствую ли лично я ответственность перед Алжиром за все, что там происходило по вине Франции. И вдруг я поняла — да, чувствую. Раньше я никогда об этом не задумывалась. А с тех пор стала мучительно думать, как изжить чувство вины и стыда. И роль этой южноафриканской журналистки, как ее звали, мою героиню, боже, забыла...

Очень люблю быть красивой и элегантной

— Анна.

— Да, спасибо, извините, я уже снимаюсь в другом фильме, все мысли там. Еще 15 часов назад была на съемочной площадке в Сан-Франциско. Так вот, эта роль стала для меня чем-то вроде катарсиса, это мое «прости» по отношению к тем, перед кем мы виноваты.
— А у кого вы снимаетесь в Сан-Франциско?
— У Дэвида Сигала. С Ричардом Гиром. Он очень занятный, думаю, нас с ним ждут непростые истории. Но пока только первая неделя съемок...
— У вас репутация непростой актрисы, даже дерзкой. Много говорили о ваших скандалах с Джереми Айронзом, когда вы снимались у Луи Малля в «Ущерб».
— Я после этого фильма вообще чуть не ушла из кино. Он меня буквально доконал. Сначала была история с фильмом «Любовники с Нового моста». Мы

снимали его три года, кошмар! Я вложила в этот фильм всю себя, до самого дна. Деньги кончились, когда не было снято и половины, все нервничали, злились, но нас согревала уверенность, что мы снимаем лучший фильм всех времен и народов. И такой провал — и коммерческий, и художественный. Тогда я чуть не ушла из кино. Но потом меня пригласил Луи Малль. Живой классик, неужели отказываться? Но это было самое кошмарное время моей жизни. Джереми Айронз замечательный актер, образованный, начитанный, очень порядочный. Но он хотел, чтобы я играла так, как хочет он. Он хотел лезть на стену со своими страстями и хотел, чтобы я лезла за ним. А я хотела страдать молча. Это было куда эффект-

ней. Каждую свободную минуту я уходила куда-нибудь со съемочной площадки, где меня никто не видел и не слышал, и тихо грязно ругалась. И вот после этого фильма я твердо решила: все, надо остановиться. Умирать ради кино я не собираюсь.
— И кому сказать спасибо, что этого не произошло?
— Кшиштофу Кесьлевскому. Когда я пришла к нему на собеседование, он объяснил, что героиней фильма «Три цвета: синий» должна стать женщина, которая вроде душевно умерла, но возрождение ее неизбежно. Просто она сама об этом пока не знает. Мне в тот момент это было так близко. Лучше съемок в моей жизни не было. Кесьлевский так заботился обо мне, даже не разрешил поцарапать руку по-настоящему, а заказал специальный протез руки. Так ко мне еще никто не относился. Мы снимали по одному дублю

Женщина без возраста.

каждую сцену, потому что он умел подготовить актера. Когда я узнала о его смерти, мне самой жить не хотелось.

— Ради работы у Кесьлевского вы отказались сниматься у Спилберга в «Парке юрского периода»?

— Да и ради Бога. Ни секунды не жалею. Как можно их вообще сравнивать? Кесьлевский умел снимать о самом главном, са-



Фото Reuters

мом важном. Это гений. Я до сих пор не понимаю, как могла получить столько наград за роль в фильме «Три цвета: синий», если эта роль далась мне легко, как приятная забава.
— Как с французской актерской школой вам удалось приспособиться к голливудским правилам?
— Мне все равно, где и на каком языке сниматься. Все зависит от того, кто рядом с тобой. Дорогу в Голливуд мне открыл продюсер Сол Заентц, пригласив в фильм «Невыносимая легкость бытия». Отчасти благодарю ему я впоследствии получила «Оскара». Это он настоял, чтобы на роль медсестры Ханни в «Английском пациенте» утвердили именно меня, хотя Энтони Мингелла и все остальные настаивали на Деми Мур. Но Сол уперся — «или Бинош, или не будет вообще ничего». Он вообще замечательный и трогательный. Во время работы над «Невыносимой легкостью...» он присутствовал на всех съемках, каждый день, от начала до конца. Кроме тех сцен, где я должна была обнажаться. Как только доходило до ню, он деликатно вставал и уходил. В мире кино это что-то невероятное, я больше таких не встречала.
— Наверное, определяющим в вашей судьбе все же был «Английский пациент»?
— Из-за «Оскара», что ли? Нет, конечно. Получать награды, конечно, безумно приятно, они в каком-то смысле становятся твоей визитной карточкой и чем-то вроде приглашения на бал. Но это совсем не главное. Вообще про «Английского пациента» мне трудно вспоминать. Съемки были невероятно тяжелыми. Но слава Богу, отношения с Ральфом Файнсом сложились отличные. Он сначала почему-то очень стеснялся своего грима, боялся, что будет мне противен в таком виде. Я все старалась его рассмешить, хотя в таком гриме ему было очень трудно смеяться. А потом, в рамках рекламной кампании

фильма, мне пришлось за год дать более двухсот больших интервью. Я так вымоталась.
— А вспомните, как вас в самом начале карьеры никто не хотел снимать. Что более importantly: слава или обивание порогов?
— Поначалу меня просто отфутболивали — просто рок какой-то. До смешного доходило. Пришла на пробы к Морису Пиала. Стою, нервничаю. Рассматриваю постер фильма, который на стене висит. Выходит Пиала. «Что вы этот постер рассматриваете? Вам этот фильм нравится?» — «Да». — «С вами все ясно. Вон отсюда». Оказывается, ему тот фильм ужасно не нравился. Потом кто-то предложил Годару меня снять в главной роли в фильме «Хвала тебе, Мария!». Он долго рассматривал мои фотографии и даже не стал пробовать, но все же взял на крохотную роль. Я должна была сказать в кадре «Подлый ублюдок!» — и вся роль. Я так старалась, все время крутилась на площадке, хотела что-то полезное сделать. А Годар смотрел, смотрел на меня, а потом буркнул: «Только не делайте вид, что вы нам тут помогаете». Очень с ним холодно было. А потом вскоре пригласил Андре Тешине в свою картину, и с тех пор все началось по-настоящему.
— Почему-то вас гораздо легче представить в джинсах, чем в вечернем платье...
— Это вам французы рассказали, что я хожу Бог знает в чем и не пользуюсь косметикой? Ума не приложу, почему они так любят эту байку. Я столько раз читала про себя, что обожаю кроссовки и потертые джинсы неизвестной фирмы, а вечерние платья надеваю чуть ли не под дулом автомата. Ерунда. Я очень люблю красивые вещи, люблю быть красивой, элегантной. Старые кроссовки и драные джинсы? Не дождетесь.

Редакция «Независимой газеты» благодарит ОАО «Аэрофлот — Российские авиалинии» за содействие в организации материала.